

16+

З.Гоциридзе

Конфабуляция Перед приходом антихриста

Зураб Гоциридзе
Конфабуляция. Перед
приходом антихриста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63551596

SelfPub; 2021

Аннотация

В непонятную эпоху то ли постмодерна, то ли вообще "поствсего", когда понятия истины сведены лишь к точкам зрения, когда толлерантность незаметно превращается в холодность, мы достаем запрятанного в запыленные углы Бога...

Зураб Гоциридзе

Конфабуляция. Перед приходом антихриста

... У Пилата появились нервные тики. Он все время моет руки ...

* * *

Проснулся я словно от удара молотом по наковальне, которой служила моя голова. Это всегда так, когда сплю не больше часа. Было 7 утра. Опять не было времени, ни на что. Все надо было делать впопыхах. В 8 я уже должен был быть на работе.

В 7.50 я уже иду по двору Института Нарколгии, довольный, что успел. Понемногу начинаю просыпаться на ходу. Осматриваюсь... Тут два лагеря: менты с ментоподобными и наркоманы. Есть конечно и врачи с администрацией, но они как бы на втором плане, да и пожалуй относятся они то к первой то ко второй группе, а то и к той и к другой. Нет, есть конечно исключения... И не то, чтоб совсем мало. Порядочных людей здесь хватает, однако, как я уже говорил, они находятся в тени доминирующих групп или же просто на данный момент менее мне интересны.

Мое отношение к обеим группам вполне определенно – стараюсь всех игнорировать. Хотя к наркоманам я не испы-

тываю ненависти и презрения, по большей части жалость и как не постыдно это сознавать, иногда отвращение. Да и очень пестрая и разношерстая это масса. Много среди них знакомых. Много интересных людей. Что до ментов, там все до уныния однозначно: не блещущие интеллектом, здоровые, сильные, злые и служат пресловутому хозяину, имя которого они могут не знать вовсе и даже не особо интересоваться этим. Хозяева могут меняться, не то чтобы смена кадров, нет! А вплоть до смены целых систем ценностей, мировоззрения, радикально противопоставленных друг другу, но менты будут служить всем.

– Здравствуйте – приветствую стоящих у входной двери двойх в форме и протягиваю пропуск. Один из них, что покрупнее, разумеется не ответив на приветствие, медленно разворачивает его и начинает вчитываться или просто делает вид, что умеет это делать. Потом поднимает взгляд на меня и смотрит пристально, прямо в глаза, с эдаким прищуренным, свойственных одним лишь ментам, а ля сверлящим, рассчитанным, только им известно на что, идиотским взглядом, вызывающим во мне полудикое желание вырвать ему глотку и когда это желание уже начинает полностью овладевать мной, дружески протягивает пропуск и миролюбиво добавляет: – Проходите, пожалуйста! И даже улыбается в знак какой то, вероятно, все таки существующей в природе, и вызывающей во мне полное отвращение, надпрофессиональной коллегальности, и вырвать у него глотку больше не хочется! И

даже появляются некие теплые чувства к нему, мол он тоже человек, это его работа и т.д... Менты знают как манипулировать сознанием!

Дальше коридоры. По большей части они не отремонтированы и пахнут гнилым линолиумом, и, правда не все, какими то лекарствами, к которым изредка примешивается некое зловоние. В лифт садиться я боюсь. Там обнаруживает себя клаустрофобия, одна из многих, терзающих меня фобий. Так что приходится подниматься по лестнице, что тоже не доставляет особого удовольствия, особенно изза своей узости. Два человека одновременно с трудом могут протиснуться при этом не задев хоть чуточку друг друга. Особенно если эти два человека моей комплекции. Однако находятся и такие, коим такой близкий контакт доставляет самое что ни но есть удовольствие. Сам видел. Они абсолютно безо всякой надобности спуют по ступенькам вверх-вниз, в надежде наткнуться на медсестер и бранясь на узость лестницы, всеми силами имитируя попытки избежать прикосновения, трутся своими отвратительными телами об ускользящие тела медсестер. Насколько я замечал фроттеристы в основном из мелких служащих, на первый взгляд не принадлежащих ни к одной из упомянутых мной групп. Но если даже не вдуматься, а просто задать себе вопрос, то сразу становится ясна их принадлежность, и не потому, что они не различают метадон от мдма. И даже не потому, что все они одеты в плохие белые или голубые сорочки, черные, выглаженные в стрелку брю-

ки и угловатые или заостренные туфли, (непонятно даже, где они такие находят. Такие же еще надо найти, прежде чем их купить?) и даже не потому, что у них одинаковые прически полбокс и одинаково плоские лбы и затылки. И не потому только даже, что они из географических и негеографических провинциалов. Глаза! Все дело в них. Они злые, налитые кровью. Они беспощадны и раболепны одновременно. Они выдают мента, прирожденного холопа, который испытывает к хозяину почти собачью верность, но в отличии от собаки готов его пожрать, если к определению хозяина приставить приставочку экс. Чиновники государственных служб, силовики и служащие банков, мне все это видиться одним лагерем. Хотя может я и перегибаю палку...

Комната, в которой я вроде как бы работаю, мала и запружена разной нужной и ненужной утварью. В принципе тут всего три стола, которые не так много места занимают, четыре кресла. Четвертое видимо на всякий случай, или для посетителя. Для посетителя а не для посетителей, потому, что кресел именно четыре, а не пять или шесть и не два. Так что нехватки вроде тоже нет. Зато очень много коробок. Полных и пустых, отчасти заполненных, чем только ни, по большей части бумагами, и по еще большей части никому уже, или вовсе никогда не нужных. Они то и занимают шестую часть суши в моей рабочей комнате. В моей – громко сказано, ибо во первых я новый, а во вторых кто я, пока никто толком не знает и те три стола, которые я уже упоминал, принад-

лежат трем старым кадрам, обитающим там давно. Хотя на кресло я могу рассчитывать, ибо я уже и это замечал, их четыре, т.е. на одно больше, чем столов, тоже самое -людей, сидящих за ними. Однако я не спешу занимать его. – Пусть лежат! – говорю о коробках. – Да, без проблем! Выйду, покурю. – И вправду, пусть лежат, а я покурю на лестнице. Курить я люблю. Курю много. Пока не позовут, побуду тут. Так и время быстрее пройдет. А в комнате, запруженной коробками, в кресле, без стола, компьютера на нем, а значит и без статуса, правда с дружелюбными молодыми людьми... Дружелюбность то меня и отталкивает прежде всего. Вызывает отторжение. Нет, без компьютера, абстрагироваться в комнате не удастся, а без этого никак! Смешение недопустимо! ...Ничего, наверное скоро поставят и стол и компьютер, а пока проведу большую часть времени на лестнице, в раздумьях, в обществе самого себя. К этому я привык с детства, и надо сказать, что возможно это моя самая любимая компания...

* * *

То было как взрыв атомной бомбы. По крайней мере я так его себе всегда представлял, – взрыв. А это – не представлял себе никак и никогда. В тот миг я подумал, что это похоже на атомный взрыв и поскольку я до сих пор не знаю, как именно происходит и ощущается он, то могу спокойно принять для себя эту гипотезу и быть вполне уверенным в ее правдоподобности. Солнце трансформировалось в свет и

выросло до размеров: оно повсюду! По сути потеряв то, что называлось солнцем, забыв извечное : – я вечно буду! – оно стало ничем, а потом стало всем... Хотя нет... Это о другом. Об этом я написал потом, в рифму, но это было потом, т.е. раньше, давно.

Смех может стать всеобъемлющим, сразу после взрыва. Потом возникают некоторые мысли, похожие на петрушку, редиску, репу. Начинаешь их рвать с корнем, вытаскивать из земли, что доставляет невероятное удовольствие. Порой кажется, не ты рвешь, а кто то. Но кто то тоже ты, если присмотреться хорошенько. Еще появляются другие ты. Их много, но не слишком. Сосчитать можно. Я насчитал семь или восемь, и все говорили хором, но как бы не перебивая друг друга. Всех было слышно и смысл слов был понятен и я (вероятно все же главный я) тоже говорил, спрашивал, отвечал. Что то вроде идеального полилога. Допускаю, что где то искажаю истину, времени прошло с тех пор много и ощущения, переживания не могли сохраниться в первоначальном виде, под столькими наслоениями самых разных времен, отношений, восприятия... Ах, да, чуть не забыл! Там были еще морковки! Ну т.е. мысли. И было все как в мультфильме, или скорее в компьютерной игре денди или супернинтендо. Рвать морковки было наивысшим наслаждением. Потом они исчезли. Вообще все мысли сразу. Исчезло время, верх, низ, сила притяжения. Исчезли преграды. Я стоял внутри светящегося коридора из бесконечных квадратов, какой я пом-

ню нарисованным на мятом листке бумаги, из глубокого детства, из которого больше ничего не помню и созерцал Бога.

Я сам все испортил. Впустил страх в себя и все исчезло. Страх принял форму гидры, вырос, оброс новыми головами и продолжал расти. Я стоял посреди старой комнаты, у камина, потухшего, холодного и полного золы и черепов. Семь или восемь "я" сидели в царских облачениях и судили меня, за все и то, чего еще не сделал. Судили меня и как часть тела тел, зачавших меня и тело, носитель новых, еще не задуманных людей и как землю, принявшую тела зачавших тех, кто зачал зачавших меня. Я прислушался. Судили не меня. Я сам судил. Я был один. Я осмотрелся, никого! Разделся догола и сел и зеркало открылось мне само собой. Я посмотрел в него и жизнь и старость и смерть свою узрел и стало страшно. Ужас одиночества, вечной пустоты!..

С тех пор меня терзает вопросы: – А мог ли я не впустить страх? И что было бы тогда? ...

* * *

–Да! – Ага, иду! – зовут меня. Значит рабочий день почти что завершился. Теперь домой, с сознанием выполненного долга. Прощаюсь со всеми, не скупясь на слова и рукопожатия. В чем то же надо проявить себя? Через минуту уже выхожу во двор, а там -наркоманы. Я уже говорил, что тут все как бы поделено на два лагеря, как на зоне. Ментов я уже описал, и номинально я сам принадлежал к их группе, что повода для гордости не добавляло. Однако отождеств-

лять себя со второй группой тоже не велика радость. Так вот о второй группе: – в первую очередь, они разные. Вернее, когда то были разными. Тут они уже все без индивидуальных черт как будто, но все же ментовской монолитности среди них нет. Налицо примитивный и симпатичный сюжет голливудской драмы – когда то они были кумирами... В то время, когда великий и злой порядок вдруг "пал изъеденный червями изнутри как ирод" и на смену ему тут же пришел мелкий, чернобелый и не менее злой сюрреализм, эпоха породила героев: с автоматом, бенденой, в очках -хамелеон и под кайфом. В моей тогдашней картине мира они заняли места Ахилла и Геракла или даже Апполона. Хотелось походить на них, стать таким же. Всем хотелось. Потом это прошло ну или хотя бы завуалировалось, автоматы стали короче и попрятались под плащи, (что факт упрямая вещь мы знаем, сначала за калаш давали три макарова, а вскоре макаров стал стоять двух калаш, поменялись приоритеты, это потому, что "некто мудрый" стабилизировал страну, или хотя бы завуалировал), очки остались прежней авиаторской формы, но цвет стал стабильней а кайф никуда не делся. Он рос. Мир продолжал меняться в лучшую сторону и он вместе с ним. Уже не обязательно было быть блатным, (или хотя бы пытаться быть им) чтобы колоться. Наркомания принимала творческий, салонный вид. Убогая, вонючая смесь чернухи с ангидридом уступила место более цивилизованному и продвинутому героину. Шприцы для инсулина сменили моргу-

новские гиганты. Наркоманом быть стало еще привлекательнее. Положа руку на сердце, мне иногда жаль, что остался этим обделен. Но выбор я сделал сам, сразу, в пользу матери. Как бы тот мир не манил меня, я знал, что это ее убьет и не стал наркоманом. А что тем временем они? Они процветали. То было их время. Золотой век. Они были круты, были отмазаны. Они платили ментам. Менты дружили с их отцами и т.д. Они ездили на хороших машинах, имели хороших подружек, всегда были под кайфом и никто их не ловил. Но по закону жанра это не могло продолжаться вечно. За пиком должно было последовать падение. Так и произошло. "Некто мудрый", сам тому не веря, не удержался на стуле, на котором сидел. Его сбросил сидящий дотоле возле его ног парадокс, сексуальный маньяк, кормящийся брошенными ему костями и в диком восторге начал насиловать всех. Наркоманов переловили, посадили. Деньги не помогли. Они уже не были круты, продали честь, стали барыгами, стукачами. Не все испортились, правда. Некоторые умерли...

Потом появилась клиника, и бывшие герои превратились в позорных маргиналов. Можно было сказать, что так им и надо, и что давно пора, но ведь они почти все мое поколение...

* * *

Морозящий, висячий дождь выделявал невероятные дви-

жения. То плавно извивался то резко менял направление, диапазон, становился сверхформенным как музыка, разрастался становясь всеобъемлющим, суживался до кулачного размера, поднимался коброй, нависал, потом вдруг срывался и падал к ногам прохожих. Именно к ногам, не в ноги, не на ноги. В общем дождь оставался добрым, и может даже иногда теплым.

Путник легко шагал. Ему не приходилось пробираться сквозь людские дебри. Город был идеальной величины. Слишком большой для того, чтоб вас все знали и не такой большой, чтоб вас оставили умирать на тротуаре, перешагивая через ваше агонирующее тело, как через брошенный мусор. Путнику было лет тридцать, среднего роста, худой, в плаще с ремнем и в шляпе кремового цвета – лицо эпохи "самоубийства Европы". Шагал он как бы пританцовывая, то ли от бодрого настроения, то ли прозябал под дождем. На первый взгляд казалось он спешил. Спешил целенаправленно. Но присмотревшись, можно было понять, что это не тот человек который знает, куда он идет, для чего, сколько времени он уделит этому и что получит за это. Максимум чего он мог знать из всего перечисленного, так это куда он идет. Но похоже он и этого не знал точно. То и дело он останавливался, всматривался с видом человека, ожидающего кого то, то в одну, то в другую сторону, потом с досадой качал головой, и махнув рукой сердито продолжал путь, как будто тот, с кем он должен был встретиться не пришел.

Есть люди которым не хватает места. Вернее для них не находится места. Или они не находят себе места, нигде. Им везде некомфортно, они нигде не останавливаются подолгу. Какая то неведомая сила заставляет их поскорее покинуть место где они находятся, чтобы найти другое и очень скоро покинуть и его. Вот она овладевает ими полностью, говорит – иди туда, там тебе будет хорошо, там, то что ты ищешь! – и бедолага встает и преисполненный верой в то, что наконец то нашел то что искал, обрел то, что есть у всех людей – счастье, покой, мир... Дойдя, посидев немного там, он обнаруживает что нужно опять вставать и идти. Приходит осознание того, что для них нет места в мире. Нигде. Они одни. Идти им некуда... Путник был одним из этих людей.

Но дождь оставался добрым, и поэтому в сюжете проследивало возможное спасение. Серый фон каменной мантии города, немигающие огни, серые пробегающие силуэты, завеса холодной мороси, тоскливый свет проглядывающий из пивных и неуклюжие, ломанные никому не нужные, но на людей рассчитанные жесты путника вполне могли бы создать эффект безысходности, но... Дело в том, что сон принадлежал человеку православной веры, а все дело происходило именно во сне. По крайней мере, мы так знаем, а если так, то это в корне меняло сюжет, ибо модному постмодерну или зарождающемуся экзистенциализму, уникальной и странной как Идиш смеси нигилизма, плотских желаний, воздержания, обязательности выполнения законов торы и ожидания

Мессии гетовских ашкенази не могло быть тут места, пусть даже и во сне, но во сне христианина восточного толка. Ибо христианство и безысходность вещи несовместимые. По крайней мере восточное, православное христианство. Там где Бог Жив, гибели нет места...

Однако и к своему православию еще надо прийти, а доколе все может тянуться вечность и случаться может всякое зловещее или полное пустоты и лишнее смысла. Все это подразумевает то, что православный может творить вещи похуже неправославных, нести хулу почище хулителей-атеистов, ходить по лезвию самоубийственного нигилизма вплоть до кровотокающего решения, ощущать в полной мере удушающее действие ядов бездушного как Голем рационализма, фатализма, навязанного собственным бессилием перед системой, посттэйзма и постгуманизма, вытекающих из них нечистот современного мира "умертвившего" своего бога.

Путник шагал чуть прихрамывая. Вместо ночи был день, яркий, солнечный, тропический. Такое бывает во сне. Сюжет немного меняется, или совсем меняется: антураж, действующие лица, ну или по крайней мере их внешний облик и внутреннее расположение, редко сущность... Серый, тусклый, словно расплывающийся под пеленой дождя каменный взгляд вроде бы исторического города, вроде бы старушки-Европы растянулся в тропической улыбке вроде бы полусуществующего южноамериканского мегаполиса с очень

незначительным индейским наследием. Одежда путника тоже пробразилась. Теперь он был одет в легкий, фланелевый костюм, с такой же шляпой и в полусандалии. Разумеется и ноги у Спасителя на его нательном крестике скрестились на католический лад. Шагал он быстро, но прихрамывая. Кажется он еще нес трость или зонтик в руках. Теперь он выглядел так, что знал точно и цель и маршрут и время которое он потратит на него. Он почти не смотрел по сторонам, лишь иногда сбавлял ход, когда приходилось протискиваться сквозь слишком большие сгустки человеческой массы. Его путь представлял собой преодоление однообразных, шумных, деловых кварталов, остановки минуты по две на светофорах у больших перекрестков. Он был в настроении. Будто он вернулся откуда то из чужбины. Из какого то заточения, ссылки. Вернулся, тогда, когда больше всего хотел, и когда его больше всего ждали. Его не встретили, потому что он сам так захотел. Вернее, он не предупредил дома, что приезжает сегодня. Сказал, что приезжает, но не сказал точно когда. Путник улыбался в предвкушении предстоящей встречи и что то про себя напевал. Иногда он потирал руки от радости и потом в смущении озирался не заметил ли кто его ребяческого выражения чувств. Все здесь было знакомо путнику. Все напоминало ему лучшие дни. Он был дома. Почти дома, и это – почти, было самым сладким.

Вдруг он остановился. Остановился у большого перекрестка. Закрыв глаза и с жадностью вдохнул в себя родной

воздух. Такого не бывает? Это отжило себя? Это патэтично? Нет, только не запах! Запах всегда настоящ.

С минуту он постоял не двигаясь, жадно вдыхая воздух обеими ноздрями. На его губах играла улыбка. Переходить тут ему не разрешали до двенадцати лет. Здесь самое оживленное движение в городе. Потом окинул полным любви взглядом светофоры и скорым шагом продолжил путь. шагал он быстрее, чем до этого, подпевал себе под нос какую то мелодию и почти не смотрел, что происходит вокруг. Внезапно он остановился и стал удивленно почесывать затылок. Путник, мягко сказать, был удивлен. Странно было, но было похоже, что он ходил кругами и теперь стоит на том же самом перекрестке. Как же это могло быть? Он же точно помнит, что минут десять назад уже был тут. Стоял на этом самом перекрестке, и даже явственно помнит все ощущения! Нет, этого не может быть! Что то тут не так. Но что? Может все это изза жары? Из за несносной, полуденной жары? Может он слишком переутомился? Он очень надеется, что его не хватил солнечный удар. Но ведь он в шляпе! Так что это маловероятно. И не найдя рационального объяснения происходящему, путник, как мы это чаще всего делаем, просто проигнорировал случившееся и продолжил путь. Ну мало ли чего! Однако настроение немножко попортилось и в душу путника закрался червь. Червь, который разъедает сердце и душу человека, со времен Адама и Евы, и которого разные народы зовут по разному. Теперь он шагал не так весело, ста-

раясь дойти до дома как можно быстрее, не смакуя больше знакомые указатели. Рассматривать улицы больше не доставляло удовольствия. Он просто шел домой...

Время не стоит. Оно бежит, противопоставляя себя вечности. Сам по себе и человек частица вечности во времени, ограничен как Бог, в Его земном Проявлении – так рассуждал путник, ушедший в себя, пока его не заставила очнуться сирена пожарной машины. Слово не в состоянии передать то, что он почувствовал, окинув взглядом место, где находился. Перед ним был перекресток. Все тот же. Раньше любимый, а сейчас такой ненавистный. Путник был разбит. Он стоял в оцепенении, разинув рот и его жгли злость, непонимание и ощущение собственного бессилия. Это последнее было хуже всего. Немного погодя он, как бы собрав все моральные силы в кулак, громко выругавшись, резко двинулся, стремясь всей силой здравого смысла разрушить возмутительную невозможность ставшей единственной реальностью абсурда. Но в его боевой решительности было что то напускное, сквозила неуверенность не раз разочарованного человека. Он не сделал и нескольких шагов и остановился как вкопанный, поняв что не сможет сделать и шага. То, чего он боялся больше всего. То, что он пытался заглушить в себе, уничтожить, убить, утопить, всплыло на поверхность, став единственной непререкаемой истиной, всепоглощающей действительностью перед лицом несчастного человека. Так он стоял неподвижно, пока не очнулся, почувство-

вал чье то прикование на плече. К обернулся и рассеяно взглянул на подошедшего к нему полицейского.

– Извините, синьор – начал полицейский, – Я за вами наблюдал. Кажется вы немного сбились с пути!

– Ничего подобного, – раздраженно бросил путник.

– Да вы не стесняйтесь! В нашем городе живет больше двадцати миллионов, и даже людям давно живущим здесь бывает иногда трудно ориентироваться в нем. Так, что ваша проблема нам знакома. Позвольте помочь вам...

– Пойдите! – вырвалось у путника. – Я здесь родился, и прожил здесь больше тридцати лет, и хотя не берусь утверждать, что знаю его как свои пять пальцев, но этот квартал действительно знаю, разрази меня гром! С вокзала до площади свободы всего шестьсот метров! А я уже больше получаса топчусь на одном и том же месте. Можно с ума сойти! – Полицейский как то задумчиво посмотрел на него, как будто хотел что то сказать, но передумав подал честь и удалился со словами, что мол если ему чего нибудь понадобится, он тут рядом и т.д.

– Да пошел ты! – пробормотал путник. Он дрожал от злобы и был готов задушить всякого, кто бы посмел заговорить с ним. Сам он об этом не задумывался,но разговор с полицейским вывел его из пограничного с сумашедствием состояния. Фантасмагория как бы отошла,уступив место "видимому врагу", с лицом, в форме и с пистолетом. На время позабылась вся чудовищность ситуации. Бормоча и ругая по-

лицейского, путник шел глядя под ноги, ощущая все равно присутствие неумолимого рока. Предвидя что то ужасное, катастрофическое, но стараясь подавить это в себе. Забыть. Даже мысль о том, что "это" могло произойти, наводила на путника такой ужас, что охватываемый пламенем нервных тиков, только тут выдавших свое существование, начал наскоро плевать и покусывать душившую его уже, пятнадцатую за час сигарету. Он старался не думать не о чем, опасаясь того, что при наличии хороших мыслей могут появиться и плохие. Вечно старавшегося выглядеть красивым и заботившегося даже о походке путника больше не волновало, как глупо и нелепо он может выглядеть и он как идиот прыгал с красной плиты на красную, то сильно задирая одну ногу, то делая черепашии шаги по вымощенному разноцветной плиткой тротуару. По детски уверяя себя, что если будет ступать только по красным плитам, все будет хорошо. Разумеется вскоре менял мнение и прыгал только по серым плитам и т.д. Выгладел он действительно глупо и вызывал невольную улыбку на лицах у прохожих. Все соки, которые путник выжимал из себя, все титанические усилия которые он предпринимал и которые в конце концов превращались в сизифов труд, были направлены к одной-единственной цели, к избеганию самого страшного. Перекресток!.. – это слово само собой возникало иногда в голове и то было подобно падению сизифого камня с самой вершины. Но подобно своему мифологическому собрату, путник собирался с силами и

дрался вперед. Он устремлял взгляды на всякую дрянь, валявшуюся под ногами, лишь бы не смотреть по сторонам. Однажды взгляд его нашел на довольно приличную купюру, но тут же отошел.

Как известно глаза сами убегают туда, куда не надо. Красный свет светофора остановил путника. Все смешалось. То, чего он больше всего боялся, то за забытие чего бы он отдал пол, если не всю жизнь, стояло перед его глазами.

Стояли светофоры на перекрестке. Без малейшего намека на цинизм и иронию. Они просто стояли, как и должны были стоять в многомиллионном городе. Лишь меняли окраску время от времени, давая дорогу то одному, то другому потоку машин, мчащихся, в принципе, в никуда...

.
* * *

Я совсем недавно бросил курить. Не из за силы воли или здравого смысла, не из за уговоров матери, прочитного бесплатного журнальчика "Как бросить курить" или духовного наставника. Из за страха. Вообще главный мой мотиватор страх. Плохо то, что он изъел мою душу и превратил меня в существо, боящее даже радоваться, но хорошо, что он отвращает меня от греха. Ведь при всем моем маловерии, падкости, похотливости я все таки думаю о вечности..

Так вот я бросил курить. Наркоманом я как уже говорил, никогда не был. Иногда экспериментировал с разными снадобьями, "как все". Пить тоже перестал. Боролся с грехом

блуда. Мне, никогда не строящему никаких планов, спутавшему день и ночь, панически боящемуся всякой системности и всегда убегающего от ответственности, казалось, что так я медленно, шаг за шагом приближаюсь если не к Богу, то по крайней мере к спасению, и что это и есть некая система спасения и что я все правильно делаю. Были ли у меня сомнения насчет того, что все не так просто? Конечно, я знал это, но уверял себя что достигнув одной точки, обязательно открою, что делать дальше, а обо всем страшном, чувственном или духовном, гнетущим меня всю жизнь я не хотел больше думать.

Раз я не курил, то был лишен романтики первой сигареты и утреннего кофе. А раз я кофе не пил даже тогда, когда курил, то просто, без особых терзаний включил телевизор.

Я смотрю только новости. Не потому, что чего то жду. Или мне очень важно все время быть в курсе событий. Или хотя бы я верю в то, что мне говорят в них. Просто другое меня интересует меньше. И так, я включил телевизор, а сам пошел на кухню и стал рыться в холодильнике и шкафах. Пока я рылся, обнаружил, что телевизор бесится. Корреспондент что то с нействованием выкрикивал, видимо что то трагическое случилось. И не в Сирии, Ираке или в Грузии. Наверняка что то произошло в центре Европы или в США, на худой конец в России или в Китае. Все дело в масштабах. В масштабах и в значимости страны. Именно они определяли партитуру воплей корреспондентов и дикторов всех мастей.

Сейчас он так орал, что было похоже на теракт, однако мы настолько к ним привыкли, что я решил все же сперва намазать мед и налить чай и потом смотреть, что произошло. Когда я все закончил, положил на поднос и вышел в комнату с телевизором. Осторожно положив поднос на стол я стал раскладывать посуду и одним взглядом посмотрел на экран. То, что я увидел, было похоже на смоделированную передачу, поэтому я как человек мнительный в таких вопросах, переключил на другой информационный канал. Картина та же. Слушаю... Смотрю:

– И по последним данным: турецкая сторона считает это полномасштабной военной агрессией, вероломным нападением..." – текст очень напоминал, текст информбюро от 22 июня 1945 года, только теперь агрессором выступала Россия. По крайней мере, именно в этом обвиняло Россию турецкое правительство. Трудно было во все это поверить. С чего бы это России понадобилось воевать с Турцией? Дело даже не в том, что военно-экономическая мощь Турции ни в какие сравнения не идет с мощью (или немощью) маленьких стран, таких как моя, оккупацию и анексию части территории, а некоторых и целиком ученила до этого Россия. Что то было не так. Еще не было ясно, что, но то, что, что то великое и ужасное начиналось – было фактом.

Я уселся поудобней и стал внимательно слушать. Турки твердили, что сегодня на рассвете русские самолеты атаковали их морские базы и корабли в черном море. Использо-

ли какие то, какой то дальности ракеты и обрушили все это на мирное населения Стамбула. Камеры показывали город. Вернее, ту часть которая подверглась нападению. Я узнал Таксим. Был я там давно, лет десять назад, но узнал сразу. Нельзя сказать, что это были разрушения масштабов мировых войн. Все больше было похоже на крупный теракт, дым, паника, небольшие разрушения домов, машины скорой помощи. О жертвах не говорилось. Потом показали турецкую военную базу, издалека. Там что то горело, разобрать чтонибудь было трудно. Я сразу переключил на русский канал. Там с очень озадаченным лицом сидел министр иностранных дел, и с одной стороны как бы приносил извинения, одновременно выражая полное недоумение и призывал к совместному расследованию и принятию разумных решении, а с другой обвинял некую третью силу в хорошо спланированной провокации, (точно имея в виду не Пакистан) и грозил всем, кто решит необдуманно применить силу против России. Оставалось ждать, что скажут американцы. Тут позвонил телефон:

– Ага, смотрю. -звонила мать. Она была испугана.

– А где отец? – Отец мой был военным, тоже не повод для радости в такое время: – Почему? Мы что, тоже в войне участвуем? – Мама сказала, что отца вызвали ночью или на рассвете. Что какие то чрезвычайные совещания по поводу вчерашнего. Я заметил, что если эти два кита сойдутся в поединке, что мы можем сделать? Наверное нам лучше бу-

дет сидеть да помалкивать. – Да, если дадут. Кто нас спросит?! Через нас опять переедут, и те и другие, как всегда бывало! – заметила мама. Я не мог не согласиться. – Ну ладно,ждемся отца, может у него будет больше информации. Я подъеду скоро.

Когда я подъехал, он уже был дома и сидел с довольно озадаченным видом. Молча взглянув на меня, когда я вошел, он, ничего не сказав, опустил голову. Я вопросительно взглянул на мать, она пожала плечами.

– Пошли! – вдруг сказал мне отец и поднялся со стула. Спокойным, но полным уверенности жестом он на месте присек начинавшиеся расспросы матери. – Через полчаса вернемся -отчеканил и пропустив вперед меня, показал глазами на дверь. Мы вышли на улицу. Он молчал. Я тоже. Так прошагали мы всю улицу и наконец он остановился, посмотрел в глаза и сказал: – Война! – Я ответил, что догадался. Он молчал. Не то чтоб я боялся чтонибудь спросить, просто был уверен, что ему нечего добавить и просто так спросил: – Между кем? – Отец словно очнулся от забытья, выпрямился и загорелся энергией.

– Послушай, – говорит. – Турки атаквали русских... -

– Как? – удивился я. Но по телевизору...

– Не перебивай, – в его голосе звучало раздражение. – И так... Вчера на рассвете турецкие подлодки атаквали русские корабли. Получили отпор. В дело вмешалась авиация, ракеты...

– Ну и? – опять перебил я. Детали мне были неинтересны. Главное было, почему это все началось и скоро ли закончиться... Отец глядел с укором.

– Короче, ситуация такова – констатировал он, – русская авиация и флот нанесли туркам жесточайшее поражение. За день потоплена или выведена из строя почти половина турецкого флота. Сбито более трех десятков самолетов. И да, Константинополь подвергся ракетному обстрелу. – Он так произнес "Константинополь", что мне показалось он смакует возмездие.

– Ты рад?

Он удивился.

– Чему?

– Ну, ты сказал Константинополь, ну реванш, сам понимаешь...

– Это не важно

– Как не важно? Как никак Россия наш враг...

– Россия никогда не была врагом!

– А кто забрал у нас Абхазию и Самачабло?

– Бог! – резко ответил отец и расстроил ход моих мыслей

– Т.е ты считаешь, что это были не наши земли? Или мы больше не имели право там жить, или как? Как насчет полмиллиона беженцев? Как насчет этнической чистки? Ты же воевал с ними, в конце то концов? -

– Бог дал, Бог взял. Знаешь, что сказал сербский патриарх о потере Косово и Метохии? Если сербская женщина делает

десять аборт, а албанская рождает десять детей, значит Бог решил, что земля больше нужна албанцам и отдал ее им... – Я слушал прикусив губу. Он продолжал: – Знаешь, что? Да, я воевал. Я защищал свою землю и буду делать это всегда, пока жив и не имеет значения от кого, но русские нам не враги, запомни. – Ну я знаю это. Я о государстве говорил и о тех суках, что против нас воевали.

– Не надо брани, тем более за глаза, и послушай, не перебивай. Времени мало. Скоро начнется большая война, на суше, в воздухе, на море. По сути она уже началась вчера, но мы это почувствуем сегодня. Турецкие части пересекли границу и заняли Батуми. Мы не оказали никакого сопротивления. Полиция просто охраняла порядок. Турки требуют участия в войне против русских. Кстати они разбомбили русскую базу в Гюмри и неизвестное число бронетехники и пехоты вторглись в Армению. – как бы предугадав мой мысли он добавил: – Да, и Азербайджан начал военные действия против Армении. Началось полномасштабное наступление азербайджанских войск по карабахскому направлению. – Азербайджан сделал выбор. В голове возникало множество вопросов и все они с калейдоскопической быстротой сменяли друг друга. Потом отец долго объяснял что то, но с военной точки зрения, что мне было совсем непонятно и поэтому малоинтересно.

– А что Америка? – спросил я

– Америка кажется дала добро на исчезновение Турции

с карты мира – задумчиво произнес отец и я не мог произнести больше ни слова. Он еще долго рассказывал, объяснял, перебирал разные возможные сценарии развития ситуации. Говорил с жаром, что то твердил, в чем то убеждал. Я ничего не слышал. В голове крутились строки Маяковского: " Граждане! Сегодня рушится тысячелетие "прежде". Сегодня пересматривается миров основа... – Сколько же можно?! Снова и снова! Снова человечество решило переделать мир, перераспределить ресурсы, перекроить карту, восстановить историческую справедливость, а т.е. начать войну, разрушать, уничтожать, насиловать, плевать в душу, калечить, убивать ...

– Ну так, вот – продолжал отец, – скоро объявят мобилизацию. – Я не хочу воевать! – Я знаю. Мало кто хочет. – он выдержал паузу и передумав говорить, похлопал меня по плечу.

– Но я готов. Я не боюсь! – крикнул я ему уходящему.

– Это я тоже знаю, ты иди к матери. Я скоро буду...

На самом деле я боялся. Боялся за семью, родных, за друзей. Боялся за древние, неповторимые храмы, за останки великой истории, за старый город, который и без войны успели обезобразить до неузнаваемости власть и деньги имущие, для еще большей наживы. Мне было жаль несколько красивых, старых улиц, которые если разрушат, невозможно будет потом воссоздать. Боялся я ракет, артиллерийских обстрелов, бомбежки, всего этого, что знал по наслышке, и еще стыдился того что по наслышке а не по настоящему. Трудно было

признать, но больше всего я боялся за свою паршивую шкуру. Ведь учитывая мой возраст и то, что моей стране пришлось пережить во все годы, после восстановления государственности я должен был как минимум два раза участвовать в боевых действиях, но я был трусом. Я знал это, и хотя пытался утешать себя тем, что я человек если не мирный, то по крайней мере не жестокий и что, не то что человека, даже животное убить не смогу, и в принципе это было правдой, (я не убивал даже комаров и мух, даже в целях самообороны), но отвратительную мою трусость это не оправдывало. Это терзало меня всегда и поэтому я все время лелеял мысль о героических поступках. Ну вот, кажется момент настал, но радости это не добавляло. На душе было тяжело.

С такими мыслями шагал я по направлению к родительскому дому...

...You know what is the worst thing in entering clubs nowadays for me? When nobody asks me for a fuckin ID anymore! I got too fuckin old! U can't imagine how it feels! – Так сказал мне негр преклонных лет (как тогда мне казалось. Ему тогда было около сорока пяти), торговавший гашишем и умеющий достать билеты на матчи премьерлиги за божескую цену, когда нас с другом не пустили в Лондонский клуб за неимением того самого ID. Паспорта мы оставили дома, а я не мог доказать вышибале, что мне уже несколько месяцев как исполнилось двадцать один.

Вот так и проходит время, бежит ли, ускользает, исчеза-

ет или еще что то с ним происходит, судя по множеству метафор, компаративов, авторских сравнений, паремий и т.д. связанных с его сущностью и ходом. Одно факт – оно убывает, и только когда становится прошлым, обретает форму, становится реальностью. То что впереди – под вопросом. Вера, надежда, воля, не знаю что еще помогает плыть в темном тоннеле неведения и абсурда.

Мать ждала на пороге, конечно. Она вопросительна взглянула на меня, я пожал плечами.

– Все очень плохо?

– Не знаю – ответил я, и мы молча направились к телевизору. Телевещания не было. Интернет тоже оказался отключен. Какой то гнусный, зеленоватый холод начал просачиваться в щели дома, страх материализовался в слово – война. Оставалось сидеть и ждать отца.

* * *

Когда то я жил у моря. В старом, наслоенном на древнем городе, где насилие приняло форму религиозной метаморфозы. Все считали его своим, для одних он был некой стеной плача по утерянному, великому прошлому, для других олицетворением победы их рода, ген, веры и праздником настоящего, будущее же все представляли по разному. Я же видел его живым, индивидуальным, личностным, живущим своей жизнью, абстрагированной от всех временных, эпохальных, этнических, религиозных, идеологических, политических и даже экономических веяний. Это граничило с осознанием

абсурдности всего существующего и в то же время неким намеком на знание высшей истины. Как бы "Все суета и суета из сует" – казалось абсурдней некуда, но только не у Еклезиаста – Надежда, уверенность – что все будет как нельзя лучше. Как? Неважно. Дитя не должно волноваться о том как отец решит все его проблемы. Оно просто должно знать, что он решит их всех и что все будет хорошо и навечно.

В старом квартале Стамбула, на улочке, про которую нельзя было с уверенностью сказать, казалась она более европейской или азиатской (Настолько переплелись в ней архитектурные стили, отголоски эпох, судьбы тысяч людей, разных поколений, пропитанной всеми нервными соками, проникнутой болью, переживаниями, страхами, любовями, последними издыханиями или первым плачем новорожденного) стоял дом. Я лежал на длинной скамейке, и слева от меня плескалось море, справа же как масляная картина, застыла улочка с шелестящими листьями большими, красивыми деревьями и разноцветными, по большей части тоже деревянными домами; из которых один был "моим". Я лежал и был так спокоен, что можно было подумать, что мне вкололи сотни тонн успокоительного или я под действием какого то наркотика. Я был уверен в себе, что ли... Хотя это плохо звучит. Скорее умиротворен. Вот оно! Именно так. А так со мной бывает крайне редко. Мне было так спокойно и хорошо, что думалось, возможен ли рай на земле? Или по крайней мере что то приближенное к этому состоянию, хотя бы отдаленно

походящее ощущение? В то время я еще не боялся смерти. (Хотя сейчас не представляется, как это могло было быть). Я был чище, лучше, романтичней. Во мне было меньше килограммов и лет. Так, вот, я думал о смерти, но без страха и вообще отрицательного налета. Я лежал и чувствовал, как угасали секунды, с каждым ударом приближая смерть, конец одновременно и времени и меня. Мне казалось, что ничья неизменный результат жизни, что вот она пройдет, эта самая жизнь и... Но ощущалось это сладко. Щемило где то под грудью в животе, мурашки пробегали и все тело наполнялось сладостной истомой. Не могло быть иначе, я не мог состариться. Я должен был остаться вечно молодым. А иначе бы я не мог воспринять уже наступившую смерть нескольких моих друзей и еще большего количества кумиров. Тогда я так и записал в чьем то дневнике: " Почему я любил смерть? Потому что все мои кумиры мертвы". Это было честно. Мне действительно казалось, что люблю смерть. Но я любил и жизнь. Я все любил. Я был влюблен в девочку (сам был мальчиком). Скорее всего ее придумал я сам. Я не мог не любить. Не мог не влюбиться в кого то, потому что был влюблен в саму жизнь, в придуманную собой смерть. Все это должно было воплотиться в чистую улыбку, нежный голосок, звонкий смех, запах моря на плечах, ветерок гуляющий в волосах, бешеный стук сердца при взятии за ручку, чтоб до дома проводить, стояние под домом, пока не погаснет свет в ее окне и потом распираемому счастьем ничего не делать с

любимыми как братья друзьями.

Но дальше я не шел. Любовь не могла быть "очеловечена". Как у всех – мне было не нужно. Вообще чем меньше плоти в любви, тем она настоящей. Чем старше становишься, тем больше подтверждений этому находишь. Наши тела превращаются в зловонные трупы и ничего красивого там нет.

Детские крылья оказались контрабандой. Их пришлось сдать...

Ржавая труба, висевшая на опустевшем, обветшалом, выщербленном, сохранившем оттенки старых красок, аварийном доме, вдыхавшим чуждый ему, отравленный современностью воздух, ожидала день сноса. Мимо проходили веселые, хорошо одетые молодые люди, в свой семнадцать, хорошо знавшие чего им нужно от жизни. По ним было заветно, что у каждого есть своя цель, и верно почти все достигнуто. Дай им Бог! Рациональное побеждает. А что тут плохого? – спросит иной. Да ничего, конечно. Так и должно быть. К этому и стремиться человечество, к прогрессу. Все "Как надо", "Как и должно быть", на месте старых домиков построят новые, большие, из стали и стекла, с большими удобствами. Сколько же будет радости от новоселья! Старые улицы переменяться, станут шире, светлей. Старых людей сменят новые...

Прогресс. Прогресс. Скоро наверное не будет воин и эпидемий, денег и границ. Может даже стихии покорятся. Не будет больше проблем. Но останутся ли люди?

Мир заселен мертвецами. Они живут, работают изо дня в день, знают свое назначение. Мчатся к намеченной цели. Достигнув же ее, портятся.

А старенький дом, на берегу Мраморного моря, вдыхает последний глоток воздуха, перед роковым ударом экскаватора. Сладкие эпизоды пробегают перед глазами. Слезы точатся сквозь трескающееся дерево, и жизнь потухает. Жизнь, а не гарантия на срок годности...

* * *

Как обычно бывает в таких ситуациях, время шло медленно. Я решил выйти во двор.

– Как оно, Артурик? – спросил я толстого часовщика.

– Как? Я скажу тебе, как? Вот недавно наступил я в дермо... И знаешь, что?

– Что?

– Обрадовался. Да, да, обрадовался. Ведь говорят, что дерьмо к деньгам. Если птица нагадит, или приснится или вот так вот, как я ступишь ногой... Ты подумай, какой я перспективный?! Не то чтоб даже мечтать о том, что деньги найти. нет! А мечтаю, чтоб может хоть так, косвенно, через дерьмо получится чтонибудь? -

Я улыбнулся. Было жарко и воздухе висело напряжение. Все были напуганы, взволнованы. Выражалось это у всех по разному но стойло появится во дворе новому персонажу, все вскакивали и вопросительно смотрели на него, не принес ли он какие вести. Вдруг словно гром грянул. Все повскакали с

мест. Тишина с минуту и потом с ужасающим, все нарастающим гулом пронеслись по небу некие летательные аппараты. Это длилось с минуту и все вдруг стихло. Мы все стояли молча, в оцепенении, смотря друг на друга.

– Турецкие самолеты летят бомбить русских! – заключил Артурик. – Вам то что? Если турки войдут, они нас, армян начнут резать.

– Хватит нести чушь, Артур! – перебила его тетя Виола. Никто никуда не войдет, и никого резать не будет. Не пугай детей.

Зазвонил мой телефон.

– Буду через полчаса. Не волнуйтесь. Передай всем, все не так плохо. Кажется стороны договорятся. – сказал отец.

Вздых облегчения вырвался у собравшихся людей.

– Он скоро придет? – спрашивали все. – Да, подождите...

Я часто думал о сущности вещей. Представлял, одушевлял, проецировал на них или с них. Бродский говорит, ... "вещи важнее, чем их оценки", Шопенгауер, что главное субъективное восприятие, а не суть вещей. Да и что такое объективность? – Правдивость? Непредвзятость? Человек может быть правдив и непредвзят, но от субъективности хотя бы угла обзора никуда не деться. Талмуд говорит, - "Мы видим все не таким, какое оно есть, – мы видим все таким, какие мы есть" ... Можно продолжать до бесконечности.

Какой мы все видели войну? Каждый из нас? Артурик боялся, что турки войдут и убьют его первого, потому, что он

армянин, но надеялся и верил в силу русского оружия. В то же самое, хотя и несколько иначе верил, как мне кажется и мой отец. Но он был настоящим офицером и патриотом, и хотя очень хотел снова сдружиться с Россией и встать с ней бок о бок в борьбе с "настоящим врагом" человечества, представлял это только после осознания Россией своей неправоты перед нами и после непрямого возвращения отнятых исконных грузинских земель: Абхазии и Самачабло. С этим в той ли иной степени был согласен и я, но в отличие от отца никогда не воевавший, не так хорошо воспринимал страшную военную действительность, жаждал большего. Возвращения всех грузинских земель отнятых Турцией, иногда до Трапизона а иногда аж до Синопа, (где некогда, в эллинистическую эпоху расселялись картвельские племена) и подаренных нашими же меньшевистскими и большевистскими правительствами армянам и азербайджанцам Лорэ и Херети, Грузия за хребтом, которую почти забыли, от Сочи до Двалети. Да и православный Крест над Агией Софией в мыслях возвышался не раз. Я грезил, злился и злорадствовал. Большинство все же считало врагом Россию, а Турцию стратегическим партнером, мало вспоминая про почти половину грузинской земли оккупированной турками чуть раньше, чем Россией другие части Грузии и поэтому меньше болевшей и почти забытой, а религию не брало в расчет.

Единственным человеком среди нас, понимавшим, что в войне абсолютно ничего хорошего нет, была моя мама. У нее

было совсем другое, отличное от всех нас выражение лица.
Отец вернулся.

* * *

Может ли бабочка вылетать из твоего бока? В смысле, не сидя на твоём боку, на твоём теле а и именно из тебя, из твоего тела, покопошась в тебе некоторое время, притом проведя эту операцию без крови, без боли. Живя , правда совсем недолго, считанные секунды, личинкой в твоём желчном пузыре и потом вылететь? Оказывается может, и это приятно. Что это? Лсд? Бред? Фантазия? Психическая болезнь? Художественные пройки? Первые минуты после смерти? Все может быть. Я знаю точно, все это было со мной...

– Президент Турции Реджеб Тайип Эрдоган высказал желание встретиться со своим российским коллегой, дабы спасти ситуацию, пока не поздно... Барак Обама призвал стороны сесть за стол переговоров... Владимир Путин заявил, что готов встретиться с Эрдоганом в Ялте, однако только после полного прекращения огня с турецкой стороны... Барак Обама, Ангела Меркель и Папа Римский, а также Патриарх Вселенский Варфоломей выразили готовность в посредничестве между сторонами... Серж Сарксян призвал мировых лидеров остановить азербайджанское продвижение на карабахском фронте... Сухуми и Цхинвали заявили о готовности отразить атаки грузинской армии в случае провокации... Тбилиси заявляет о необходимости решения всех конфлик-

тов мирным путем... Украина выражает готовность организовать многостороннюю встречу... По последней информации удалось достичь временного прекращения огня. Силы противников остаются на занимаемых позициях до принятия дальнейших инструкций... Путин выражает желание встретиться один на один с Эрдоганом, без посредников...

В Торонто произошел крупный теракт... Азербайджанское командование объявило о прекращении огня и готовности сесть за стол переговоров. Тем не менее, они не собираются покинуть занятых позиций... В населенных преимущественно курдами районах Турции сохраняется чрезвычайно напряженная ситуация... Администрация президента США заявила о том, что Обама не против встречи Путина с Эрдоганом наедине... Прес-секретарь президента России одобрил позицию администраций президента США, добавив однако, что это единственная допустимая опция. Также он обещал обнародовать дату встречи двух президентов (России и Турции) в ближайшие часы...

Я открыл холодильник и достал бутылку с водой. По взглядам определил кому наливать...

– Экстренное сообщение! Встреча президентов России и Турции состоится завтра в 10.00 в Санкт-Петербурге... Двоякое чувство. С одной стороны – хоть какая то ясность и шанс, с другой – опять томительные часы ожидания. Вспомнились сразу все ужасные и отвратительные случаи. Поскольку я был несколько мнительным человеком, то так уж

вышло, что не раз сдавал анализы на все существующие и несуществующие пугающие болезни, подозревая их, по вычитанным в разных энциклопедиях симптомам, не веря и сразу опровергая лишь наличия у себя острого невроза и повышенной на этой почве заикленности на плохих мыслях. Наверное понятно через что я проходил каждый раз, дожидаясь ответа.

– Мы с господином Эрдоганом обсудили все вопросы, касающиеся недавних событий. – Вдруг послышался голос Путина. – Мы с президентом Турции пришли к единому мнению о скорейшем завершении военных действий и проведении совместного расследования. К процессу будут допущены американская сторона, представители Евросоюза, ООН и Мулен -Руж. Как нам стало известно, огонь по нашим кораблям открыли албанские трансвиститы, прикрываясь турецким флотом, и то, что Стамбул не уничтожен личная заслуга Саманты Фокс и моей мачехи инопланетянки. – Что то в речи Путина казалось странным, но что?

– Так вот, – продолжал российский президент – самое главное остановить гонения красных кхмеров и тайских ледибоев... – Кажется я понимаю. Я вспомнил рассказы проституток о том, почему они предпочитают турок всем остальным. – Понимаешь, – говорили они... – хотя я опущу детали. Суть в том, что они они платят в тридорога, и практически не пользуются членом, только языком, и проститутки не устают, а потом они, очень часто женятся на них. И

к чему это я? А! Наверно Путин видит связь между ними и ледибоями красных кхмеров!

– Так, вот! – продолжал Путин – завтра же займемся этим. Спасибо!

Я оглянулся, чтоб взглянуть на мать и соседей. Хотелось узнать их мнение по этому поводу. В комнате никого не было. Было темно и жарко. Я встал и направился к двери. Двери не было больше. Стены начали трястись. Как будто содрогались в титаническом, приглушенном смехе. На небе появились яркие, белые круги. Постепенно они начали увеличиваться и приближаться. Вдруг они остановились и словно слились воедино. Теперь это был один шар, гигантский и злой. Он продолжал расти, пока не вырос до размеров "он по всюду". Свет был слишком ярок. Я закрыл глаза. – Атомный взрыв?! – пронеслось в голове и словно все оборвалось внутри. Все, что до этого держалось благодаря неймоверному и напряжению, воздержанию, отказу от жизни и поэтому пустоте и страданию. – Может оно и лучше? Может боль уйдет? Все закончится? -

Инопланетяне выглядели так же, как и в кино. Видно наши мысли материализовали их облик, или же просто так воспринимались тогда, или они действительно так выглядели и кто то правда их встречал раньше и правдиво описал, просто ему не поверили.

Они были большими. Очень высокими. Прозвучит неполиткорректно, но все были на одно лицо. Правда можно бы-

ло различить мужские и женские особи.

Постепенно глаз и сознание через него, как это всегда бывает, стали привыкать к этому, казалось бы непривыкаемому зрелищу. Инопланетяне не вели себя злобно или агрессивно. Ни даже странно, ибо ничего не вяжущегося с человеческим сознанием они не делали. Они вообще ничего не делали. Не стояли склонясь надо мной, не смотрели пристально, сверля взглядом и проникая в дебри сознания. Они вели себя одновременно как экспонаты музея и обитатели этого дома. Один сидел за обеденным столом и как будто читал газету (хотя читать газету, которой у меня не было, тем более на грузинском, он наверно не должен был мочь). Второй стоял у окна и смотрел в сад. Будто бы он улыбался, хотя физиология не позволяла ему этого делать. Третья (и да, она была женщиной) стояла нацепив фартук поверх платья в горошек и будто бы держала в руках жаровню с только что выпеченным пирогом, с гордостью за свое умение и как бы в ожидании похвального слова глядя на мужа (инопланетянина с газетой), не смея прервать его чтение. И да, она тоже улыбалась. Немножко по другому, чем инопланетянин №2, заискивающе. Сцена походила на сцену из жизни американской семьи 50-х, а еще больше на такую сцену на открытке того времени, или в рекламном журнале. Все выглядело так же постановочно-глянцево, как на флаерах свидетелей Иеговы. За этой нарисованной идиллией что то должно было быть. И так и было...

Чуть прищулив глаза и хорошо присмотревшись, ясно можно было различить ящероподобных существ в человеческий рост, без улыбок на лице, фартуков на теле и газет в руках. Правда они точно так же застыли в одной позе, но одновременно как будто копошились. Или что то копошилось в них и это было видно через их прозрачную кожу.

Что то страшное должно было произойти. Я это чувствовал, но впервые в жизни не боялся. Сюрреалистическое присутствие рептилий наполняло и меня неземным хладнокровием. Однозначно чувствовалась их влияние.

Внезапно картина изменилась. Ящеры поднялись и зашагали ко мне. Расстояние между нами было от метра до трех, но они шли долго, хотя и быстро. Я смотрел на них и они походили на призраков обитающих в сравнительно новых замках. На людей с картин, развешанных по коридорам некогда их же прекрасных владений. Мне случалось несколько раз побывать в таких имениях, где особо нравилось разглядывать предметы утвари, быта, одежду и оружие людей, некогда живших там. Заходить в их спальни, гостиные, кухни, ванные комнаты. Грезить и романтизировать их жизнь, только потому что оно прошлое...

И вот, эти ожившие призраки из прошлого, одетые в одежду из прошлого, по красной ковровой тропинке, хромяя и ковыляя, спеша, со свистом и шипением, словно едва касаясь поля, по воздуху неслись ко мне. Я закрыл глаза... Меня женили.

Спешу разочаровать любителей экстрима. Женили меня на обыкновенной женщине. Хотя нет, обыкновенной она конечно не была. Внутри она была ящером, не т.е. инопланетянином. Ни по какому внешнему признаку определить это не было возможно. Я просто знал это. Не догадывался, не чувствовал, но знал. Не то, чтоб она выглядела плохо, скорее наоборот, и по всем остальным признакам вполне была в моем вкусе. Подходила по возрасту и т.д. , и дело было не в том, что я совсем не любил ее, не знал ее и даже если и знал бы, вряд ли бы захотел жениться на ней, потому, что вообще не хотел жениться на этом этапе жизни. Такие вещи я вообще тогда не воспринимал. Не воспринимал и то, что происходило что то совсем из ряда вон выходящее. Что вдруг появились инопланетяне, что куда то кануло все, что я до этого знал и что я очутился в мире рекламной открытки, где мне предстояло дальше жить. Не было живого восприятия утраты всего, что должно было убийственно больно восприниматься моим ранним сознанием. Не было и удивления от этого. Не было и простого приятия факта. Будто я слишком устал, настолько, что было все равно. Промелькнула мысль: – Может я умер? – За ней другие: – Может она такая – смерть? Или это ад? Остаться где то, в незнакомом, непонимаемом месте, с непонятными, незнакомыми, нелюбимыми существами навсегда? Навсегда? – Это слово заставило содрогнуться. Все можно вынести, только не "навсегда". Вернуться в свой, знакомый мир всегда хочется ...Как

будто страх возвращался. Значит возвращалась и жизнь. Я почувствовал благодарность к страху, как к старому врагу и союзнику. Но очень скоро страх пропал. Я застыл на фотографии. Вокруг застыли жена и другие ящерицы. У меня появилась новая жизнь. Жизнь ящера на фотографии, свиду счастливая и налаженная, ухоженная, подстриженная. Изнутри она не была несчастной, все так же налаженная, ухоженная, подстриженная...

Что такое счастье? Вопрос настолько банален и вечен, что и задавать его, даже себе самому кажется верхом безвкусицы. Если нет несчастья, значит есть счастье – живут люди по такому принципу. Миллионами живут, миллиардами и ничего. А что делать? По сути мы все живем в камере смертников под названием "Земля". Никто из нас не знает, когда его поведут на убой. И привыкают. И живут. А что делать? Если все не так плохо, значит хорошо. Вот так мы и не живем свой жизни...

Интересно, бывают ли у них дети, в этом новом мире на старой фотографии? И если бывают, вырастают ли они? Или же навечно остаются детьми, потому что это фотография? Вечно оставаться счастливым ребенком в замороженном мире, в одном единственном кадре! Наверно это все же лучше, чем оставаться взрослым на том же самом кадре, просто потому, что ребенком быть несравненно лучше, чем быть взрослым. Вероятно в таком состоянии тоже.

И что мне теперь делать? Надо ли мне будет работать где

нибудь? Ведь теперь у меня семья, по крайней мере жена. Если мне надо будет работать, значит нужно будет куда то выходить. Значит я не буду совсем застывшим на фотографии. Я буду куда то ходить. С кем то иметь отношения. С кем то хорошие, с кем то плохие. Я буду зарабатывать деньги. Интересно какие они в этом мире? Если я буду работать, то у меня наверно будет и социальная жизнь. Появятся друзья. Будем ходить вместе в бары, на стадион, смотреть регби. Будем ходить друг к другу в гости. Может и наши жены подружатся. Ах да, жена! Она же главная в этой истории. Практически все с нее и началось. Раз уж так, назову ее Евой, в честь Праматери.

Пока все это будет, я должен жениться. Т.е. участвовать в церемонии. Оказалось, что никаких ритуалов не проводится. Нет ни цветов, не обручальных колец, не церкви, ни Загса, не свидетелей, не родных, не застолья. Просто меня женили. Не знаю так же выдали ли ее за меня замуж, или это был ее выбор. Существовал ли выбор в этом новом мире на фотографии? Она такой же ящер, как те другие, или человек, как я, которую превратили в ящера? И превратили ли меня в такого же? Или еще только собираются? Теперь я просто знал, что женат и этого было достаточно. Что знала она? Конечно я думал и о том, что нам надо будет сожительствовать, но оказалось что и этого нет здесь, в новом мире на фотографии. Насколько можно было почувствовать радость или какое либо другое чувство в нарисованном, бесчувственном

мире я обрадовался. Даже в переходном возрасте мне не хотелось снашаться с кем попало.

Я шел по пустынным, мирным улочкам, с красивыми одноэтажными домиками, с хорошо подстриженными газонами и красивыми клумбами цветов. Тут тоже все было ухожено, с виду обжито, но стояла та же мертвая тишина, что и в доме. Только легкий бриз доносящийся с побережья океана колыхал травку газонов. Присутствовало ощущение чье-то присутствия. Чувствовалось, что кто-то смотрит, наблюдает, но все окна во всех домах были пусты. Где-то были опущены шторы, где-то занавески, которые при долгом смотре-нии на них казалось, что вот-вот чуть дернулись, как будто кто-то смотрел в окно и как только к нему повернулись тут же отпрыгнул и спрятался, но скоро понималось, что это всего лишь обман зрения. Где-то одиноко и чинно с той же глянцевой улыбкой, что у ящеров, стояли горшки с разными цветочками. Я шел глядя вперед и вниз, ощущая все это периферийным зрением и мне было все равно...

...Боль приходит как незванный гость, надоевшая тьма, как решка на обороте... Раньше я ждал боли, и она приходила... Маленькая искра страха выросла во мне, достигла совершеннолетия и теперь она сама по себе, живет в коммуналке моей души и как верный друг и сосед рядом со мной везде... Сейчас жду страха и он приходит. Приходит как зеленый, ядовитый дым. Сначала его страшно. Потом наступает ощущение неизбежности, но спокойней не становится.

За страхом приходит тревога. Они похожи, но все же разные. От тревоги сводит скулы в судороге, все мускулы натянуты, потому, что кажется, что если расслабишься то умрешь сразу. Все существо превратившись в один, натянутый мускул пытается скрыться от этого слова: смерть! Это слово нельзя произносить! Невротику нельзя. Оно страшнее самой ее сути. Затем наступает третья сестра – паника! Это похоже на истерический вопль Джима Моррисона из песни "When the music's over", как будто срыв, в пропасть. Больше не приходится держаться за лопающиеся от напряжения мускулы. Их ничто больше не держит. Тело не выдерживает накала и сдается. кружится голова, тошнит, сердце колотится и кажется, что взорвется, сводит живот, течет из глаз, носа и рта (но это только кажется), тело нагревается так, что вот вот сгоришь и взорвешься. Обливаешься холодной водой и скоро уже бросает в озноб, так что зубы колотит. Тысячи мыслей приходит на ум. вспоминается все и кажется, что никогда ничего хорошего с тобой не происходило. Успокаиваешь себя, говоришь, что это не так. Ведь сколько было радостей. Сколько человек любят тебя, а ты вдруг все это перечеркиваешь? И тут начинаешь стараться не думать о хорошем, особенно об очень хорошем, самом чистом, любимом. сокровенном, чтоб уберечь, чтоб не замарать этой адской блевотиной, в которой находишься, когда станет лучше. Когда станет хорошо. Тут ловишь себя на мысли, что вернулась надежда, а значит паника отступает. Но остается страх, что все

это повторится...

Я сидел в окопе, или в траншее, не знаю точно, как называть ту грязную яму, где помещались те несколько человек, а среди них я. Все были одеты в военную форму, с бронежилетами, в касках и с автоматами. Почему то у всех были америкаские винтовки, а у меня акс. Была ночь, шел дождь. Мы промокли, но было лето и особого дискомфорта это не вызывало. Хотелось есть, а еще больше пить. Я открыл рот, чтоб спросить где мы, но отец тут же закрыл мне его рукой, приставил палец к губам, показав, что нельзя пройтносить не звука. – Ага – подумал я – значит он тоже здесь! Это хорошо -

Кажется я уже замечал, что был трусом, но как любой мальчишка (а в душе я таким и оставался) лелеял мечту о героическом поступке. Героический же поступок конечно же должен был произойти на войне. И вот я тут. В грязной луже, в кромешной тьме, весь мокрый, голодный, с автоматом и несколькими рожками. Не знающий и неумеющий ничего связанного с военным делом. Но рядом был отец. Он то умел. Дело в том, что на протяжении всей жизни, всегда, когда мне надо было действовать, появлялся отец и практически делал все за меня. Грех было жаловаться, но с другой стороны, это способствовало моему постепенному убеждению в собственной ничтожности, что по сути и было правдой, ибо я ничего толком не умел, и все что как бы было сделано мной, было сделано им. Но даже при таком раскладе

мой "комплекс неполноценности" был найгран. Я ничего не умел, не потому, что не мог этому научиться, а просто потому, что был "выше этого". Ленивый, но талантливый – Классика! Когда понадобится, тогда и сделаю! Раз уж говорить не разрешалось, оставалось думать. Я солдат! С виду могло показаться иначе, но я то видел всю несуразность картины. Карикатура. Абсурд. Я не мог убить человека. Не под каким предлогом. Хотя, может и мог? Себя со стороны конено я не видел, но представлял примерно, как выгляжу. Вспомнился эпизод из отрочества, когда пойманный за хулиганство сидел в кабинете зам-начальника угрозыска районной милиции и дожидался освобождения. Не то ждали звонка кого то высокопоставленного, не то конверта с "отступными". На полке лежало несколько книг. Поскольку атмосфера была вполне дружелюбная, я спросил можно ли мне посмотреть книги, на что получил несколько непонимающее согласие слегка удивленным кивком и пожатием плечами. Мол, почему такая странная мысль могла родиться в моей голове, смотреть книги? Словно по умолчанию там никто не должен был читать, ни хозяин, не гости. Может потому, что хозяевам тут не до книг, а гостям тем более. Ни те, ни другие не хотели там задерживаться. И то, что я обнаружил среди этих нескольких книг, запомнилось навсегда, и теперь мне, стоящему в луже с автоматом, казалось таким же сюрреализмом, как теперешнее свое стояние тут. Парадокс -Пико Дела Мирандола среди пары примитивных детективов и нескольких юридических

буклетов. Вот никогда и ни за что не поверю, что та свинья в погонах читал Мирандолу. Не то, что читал и не "понравилось" (ну т.е. ничего не понял), нет! Тут он в меньшинстве бы не оказался, и ничего страшного. Речь вовсе не об этом. Но надо было спросить, каким чудом появилась у него эта книга, или кому она принадлежит. А ведь интересно! То был совсем "неизвестный" Мирандола, а не растиражированный "Сервантес" или "Бальзак" или на худой конец "какойнибудь" совсем непонятный, но знакомый по обложке "обязательных изданий" Бэкет или Джойс...

– "Христианство не в готовности убить за Бога, а в готовности отдать за него жизнь" – говорил Отец Сократ когда то, и сейчас как раз было время и место, чтоб вспомнить об этом. А то что я сейчас здесь, это что? Первое или второе? Или ни то ни другое? Зачем Богу чья либа смерть? Или чья то война? Интересно ли ему кто "прав"? Ведь у каждого своя правда. У каждого свой Бог.

Меня начинало знобить. Не от холода, не от страха. От нервного перенапряжения. По скудному, но все же опыту я знал, что ожидание драки всегда труднее самой драки, но то была драка, максимум поножовщина. Случалось конечно, что стреляли, но почти никогда без причины и старались причинять поменьше вреда. Больше стреляли в ноги. А тут? Самое странное заключалось в том, что те, в кого я гипотетически должен был стрелять, не имели лица. Т.е. лица они конечно имели, и руки и ноги и все остальное. У них были

имена, родители, семьи и т.д, они были личностями, но не для меня. Они не были людьми в обычном понимании. Если бы они таковыми являлись, я бы не смог их убивать. Я не мог убивать людей с лицом, именем, личной и общественной жизнью. Тех, у кого могут быть матери. Нет, они не были людьми! Они были врагами, а враг это другое...

Моя бабушка была католичкой и мне, как православному нельзя было за нее молиться. Т.е. молиться про себя можно, ставить свечку, отдавать милостыню и надеяться... Я терзал себя, что не уговорил ее перекрестится в православную. Теперь уже не помню, предлагал я это ей или нет, но она все равно бы отказалась. Мама заказывала молебен по ней в католическом храме. Я пытался отговорить, она не поняла. У меня было мало аргументов. Я остался со своей злобой и кучей вопросов без ответов. Пару раз я все таки ходил с ней. Мой духовник этого не одобрил. В конце концов вышло так, что я рассорился со всеми.

Нельзя сказать что я изначально и думал только о смерти, наверное только после того, как жизнь оказалась слишком крепкой на зуб. О, да! И зубы у меня были плохие, поэтому я стеснялся улыбаться, а тем кто не улыбается вход на бал заказан. Кроме этого я стеснялся еще наготы, своего тела, слишком худого, большой головы, своей походки, не умения сострить, красиво говорить, танцевать, обходиться с девочками. Даже целовать их в щеку. Представляю, какое впечатление я оставлял. Неуклюжий, полудурок-полуманьяк. При-

шлось углубиться в книги. Не могу сказать, что мне там не понравилось, но все тонны бумаги которые я прочел за все эти годы, без раздумий променял бы на счастливые годы уверенного в себе мальчишки переходного возраста, которого обажали девочки. Ведь проживший всего несколько таких лет мальчик, может сказать, что прожил счастливую жизнь, а мимо тех, которых прошли эти годы, прошла и вся остальная жизнь. Все остальное – неудачные попытки закрыть гештальт. Начинало светать...

Не люблю рассвет. Не мое это. Всегда предпочитал закат, но луне однако, предпочитал солнце. Рано утром я всегда слаб, раздражен как оголенный нерв, и тут бабахнуло! Это был шок. Второй раз уже попонятнее и менее страшно. Нас бомбили. Мне начало сдавливать горло, стало трудно дышать, заложило уши. Отец рукой придавил меня к земле. Краем глаза я видел остальных, неуклюже пытающихся зарыться в землю. Грохот стоял невероятный. Я потерял ощущение реальности. Слышал слова отца, но не различал. Страх становился животным. Если записать, что в такие моменты думаешь и говоришь, что обещаешь, о чем зарекаешься, а потом послушать в спокойной обстановке, можно повеситься от стыда. Через некоторое время адское гроыхание стихло. Нас не задело. Оказывается бомбили не нас. Русские бомбили турецкую колонну, в километрах 50и от нас. Оказывается отец знал это и пытался объяснить нам во время бомбежки, но что мы могли расслышать? Стало немного

обидно. Значит на нас даже внимания никто не обращает? ..

Всегда мечтал о Нице. Вынашивал, лелеял мечту о ней. О ее лазурном берегу, белых домах, синем небе. В какой то момент мне даже показалось, что и она влюбилась в меня. Что ждет меня с распростертыми, знойными объятиями. Но чтобы увидеть ее, я должен быть полностью готов. Чтобы встреча, если она состоится, не оказалось хуже, чем в мечтах. Потом я узнал, что Ница уже не та. В ней поселились арабы. Много арабов. Я был так зол, так оскорблен, что чуть было не разлюбил Ницу. Всегда до этого произносящий ее имя с редчайшим благоговением, теперь ругался плебейским матом. Еще я решил убить всех арабов, а кого не достану, выгнать из нее, но поскольку Ница любила их, раз дала в себе жить, а больше всего я боялся разочаровать и потерять ее, то решил полюбить пусть даже и их, лишь бы тоже жить в Нице и лишь бы она любила и меня. все мы мечемся. везде ищем потерянный рай. Я свой нашел, это ты. не выгоняй меня из себя!..

В наш век необходима информационная гигиена. Чем больше информации, тем меньше смысла. Само понятие "смысл" потеряло смысл, приобретя вариативность и множество альтернатив. Тысячи реальностей. Пожалуйста, выбери! Чем не расчепление личности? – Русские бобили турок. Турки русских. Мы ждали чего то, или кого то. Возможно, Годо...

Почему женщины думают так: пусть он сам догадается,

он же мужчина?! Пусть разберется в этой паутине намеков, странных поступков! А мужчина не понимает почему все так, мужчине надоедает и он уходит, а женщина остается одна, так и не поняв в чем дело и продолжая обвинять мужчину, когда просто можно было первой сказать: я люблю, хочу и могу быть с тобой! Люди всегда просят дать им правды. До конца. А когда их ее дашь, то им становится тошно от тебя. Несмотря на то, что я рос по большей части сред женщин, так и не "стал одной из них", хотя отпечаток на меня это все же наложило, моя картина мира во многом сформировалась как женский взгляд. В большинстве ситуаций я принимал сторону женщин. Мне казалось я их хорошо понимал, лучше, чем другие, но уверенности в отношениях с ними это не добавляло. Я мог бы сострить, зная, что женщины любят остроумных, и даже попасть в самое яблочко, но поскольку никогда не умел ходить по канатам, молчал. Слишком тонкая грань между уверенностью в себе и самоуверенностью. Никак не хотелось показаться этим последним. Т.е. пекся о репутации хорошего мальчика. Женский взгляд, что и сказать?! Как будто за меня решала мать. Часто влюбляемый я никогда не признавался в этом никому. Иногда я любил двух или нескольких и да, мне казалось, что я был способен на такую любовь. В моем сердце места хватало, главное как все они уживутся там друг с другом. Конечно они не уживались. Всю жизнь мы только и делаем, что нравимся самим себе и питаемся иллюзией, насчет того, что возможно кому

то понравиться также, как себе. Но ведь все остальные тоже гнут свою линию. Любовь – офшор где мы храним свою душу-свой клад в недосыгаемости, и где ваш клад там же и вы! Не будет тебя в моей жизни не будет и меня.

Легче было думать о межполовых отношениях, чем о войне. Обо всем, только не об этом грохоте, и было понятно, что бомбежка всего лишь прелюдия, как отдаленные раскаты грома, за которыми последует молния и разразиться дождь.

Раньше я боготворил женщин. Считал их лучше, чище мужчин, и отчасти я был прав, пока не узнал, что только женщина может ревновать к мертвой.... Полил дождь.

– Ну? – кивком спросил я.

– Мы тут просто наблюдатели. Даже не как полиция. Мы даже вмешиваться не должны.

– Интересно. Зачем же тогда наблюдать? Тем более, с риском за жизни? – У отца ответа не было. Есть ситуации, когда не знаешь почему, но уверен, что это единственный правильный вариант. Возможно как раз из за того, что он единственный.

Моя страна потеряла государственность чуть более 200 лет тому назад. До этого она много раз бывала захвачена, порабощена, утоплена в крови, сожжена, распята на кресте, уничтожена, была разбита на части, на маленькие царства и княжества, но царский род и автокефалия не прекращались. Главным источником опасности для нас был исламский мир, нашим спасением – вера в Христа. Много раз враг думал,

что Картвелов больше нет, но древняя земля Колхов и Иберов как феникс восставала из пепла. Правда от бывшего величия мало что оставалось, но генетическая память еще тлела и общее тело нации, пусть изувеченное и с ампутированными конечностями, но жило и имело навыки регенерации, то есть еще теплилась надежда. С вхождением в Россиискую Империю пропала Национальная Идея. Соппротивление не прекращалось, патриоты не перевелись, но исчезла правящая элита – как класс. Русские упразднили нашу древнюю патриархию, поскольку после Петра у них и своей не было и мы остались как без светской, так и без духовной элиты. Какие то, и даже выдающиеся их части в виде выдающихся людей влились в имперскую элиту, пусть даже в виде оппозиции, но так они технически могли строить только целепологание Российской Империи, а не Грузинского Государства. На непонятный срок моя страна оказалась без Национальной Идей, без четких, а потом и даже расплывчатых ориентиров. Грузины остались без грузинского правящего класса, только который и мог построить целепологание. Страна входящая в империю как заключенный, жив, может быть и накормлен и напоен и даже в лучших условиях, чем на воле, но без основных прав и свобод. В случае с Российской империей неблагодарностью было бы не отметить обратную стороны медали – они лишили нас светской и духовной независимости, царской династии, но спасли от очень вероятного физического истребления все более наступающих мусульманских им-

перий и их вассалов с северного кавказа и вернули некоторые территории отнятые Османами. И если в русско-турецкой войне грузин сердцем мог болеть за Россию (страну-окупанта) против "стратегического партнера" это было генетической памятью.

С момента восстановления независимости Национальная Идея так и не появилась. Появились некие контуры, но развития это не нашло. Из за неосознанности, не полного осмысления происходящего, внутренних, мировоззренческих противоречий, внешнего давления, интересов разных стран, больших и малых, слишком большого разрыва в существовании государственности и вероятно связанной с этим нехваткой государственного мышления, но главное, почти полного отсутствия людей, индивидуумов, предпочитающих своему, личному общее, т.е. общенациональное. Они находили себе слабое оправдание: общее могло ассоциироваться с "казеным" прошлым, а морального суда на то, что бы красть у "вора" и захватчика не было. Хотя ничего общего союзного, не центральной, имперской или союзной власти уже давно не было, и мало кто задумывался, а если и задумывался, то вероятнее всего поспешно отгонял от себя, вызывающую дискомфорт, назойливую мысль о том, что даже и у вора и захватчика красть неправильно и аморально, тем более, как мы уже заметили, союза давно не было и красть можно было только у своей молодой родины, т.е. у себя самих. И так у власти не оказалось честных людей, а именно наличие таких

людей является основополагающим фактором становления элиты любой нормальной нации. Нация же без элиты, как корабль без штурвала. Если верхи говно, то низы еще хуже, и чем пороки глубже, тем извращенней представления о патриотизме. Те, кто не достиг никаких высот и не мог красть, гадили просто так. Мусорили на улице, в лифтах, на лестничной площадке, на природе, на лоне которой пили тосты за ее уникальную красоту, соревнуясь в любви к ней и обещая пролить за нее кровь, если понадобится. Как свою, так и чужую. Мусорили и срали везде, и чем больше гадили вне дома, тем вылизаннее у сукиных детей были их собственные жилища.

В своих домах такие не гадят. Более того, они почти даже и не живут там. Мебель с коврами у них обернута бумагой или целлофаном. Безвкусные серванты наполнены дорогими, или подделанными под дорогое, такими же уродливыми сервизами, которыми они тоже никогда не пользуются, воду же или чай пьют из старых, обшарпанных кружек или стаканов с трещинами и надломами.

Тогда, когда еще были коммуналки (я сам вырос в одной из), такие люди предпочитали срать в соседском туалете, пока те были на даче, в деревне или где нибудь еще, на безопасно далеком расстоянии для того, чтоб их застукать за этим подлым делом. И ладно, соседский туалет был бы чем то особенным, намного лучше, чище или комфортнее! В Союзе же человека легко можно было удивить. Но, нет, пусть он был

в сто раз хуже твоего, но зато чужой! Да, погадить на чужом унитазе, "сэкономив свой" – это дело!

По таким принципам живут люди в моей стране и таких семь из десяти. В так называемую элиту же обязательно пробираются самые отвратительные из этих семи, вот мы и строим государство более четверти века да никак не построим! Ненавижу ли я свою страну? Своих соотечественников? Да! Но только так, как можно ненавидеть свою семью или дом. Ненавидеть всем сердцем, но любить всей душой.

В дали начал нарастать гул. Не успел я подумать про самолеты, как отец шепотом подтвердил мою догадку: – Бомбардировщики! – Тут я присмотрелся к остальным. Их оказалось четверо: Эрве Базэн, Эмир Кустурица, Робертино Лоретти (до того, как у него испортился голос, хотя он не произносил ни слова и я не знал какой у него голос) и Марадона. Такой, как в 86м, в Мексике. Конечно они ими не были, но я нашел между ними сходство, а поскольку имена запоминал плохо, решил запомнить так .

Марадона, Мексика 86 – это особенное время в моей жизни. Золотое прозвучало бы как неговорящее ничего. Не могу найти хорошее, точное определение. Это "время" ощущаешь всегда. Не смотря на течение другого, основного времени, ощущение не только не стирается, даже не притупляется, под налетом тысяч других, более поздних мыслей и ощущений. Надо признать, что есть такие "времена", события, люди, которых стараешься вспоминать не часто, как самое

дорогое, чтоб не упростить, не обаналить, не превратить во все остальное – быт.

Марадона в Мексике. 86 год. Стадион "Ацтека" (помню даже реплику мамы: "сначала истребили целые народы, а потом их именами стадионы начали называть, фантастика!" – И о чем это она? – Для меня тогда это было неактуально, но фраза врезалась в память). Самая красивая в мире форма – небесноголубые и белые полосы. Уверенное в себе, чуть нагловатое, хулиганистое лицо короля, с черным как смоль шевелюрой.. Одна нога на мяче, в ожидании свистка. В ожидании сигнала, когда можно начать делать все одновременно: творить и рушить. Создавать божественную картину и уничтожать всех, кто встанет у него на пути.

Мне было восемь, и ничто на свете не заставило бы меня поверить в то, что Марадона не выиграет финал. Что он не поднимет золотой кубок над головой. Разве могло случиться иначе? Конечно, нет. Ведь это было бы крушением мира, а в восемь ты не допускаешь эсхатологических картин.

Я сидел один на диване, у экрана. У родителей были гости. В зале было небольшое застолье и вся комната с диваном, да и телевизор с Марадоной были в моем распоряжении. Гости принесли пирожных и конфет, что тоже, практически полностью досталось мне. Они предпочли жаркое, вино и тосты. В "телевизорной" было два короля. Марадона по ту сторону экрана, я по эту.

При криках комментатора, да и моих тоже, кто то немед-

ленно врывается в комнату и спрашивал: – Что случилось? Не забил ли кто? Я недоумевал. Как можно предпочесть дурацкое застолье финалу чемпионата мира по футболу?! Это сейчас эти слова ничего больше для меня не значат, но тогда! Финал чемпионата мира по футболу! Ничего не звучало более гордо, величественно, возвышенно! Квинтессенция счастья. Я еще долго потом измерял собственную жизнь чемпионатами мира, как стахановец пятилетками, пока не обнаружил, что считать эти четырехлетия и ждать новых чемпионатов больше нет смысла, хотя смысл потеряли не только чемпионаты, но это было потом. А тогда! Тогда был мой час! И Марадоны конечно. В первую очередь Марадоны, ведь не будь его, не было бы и меня, такого, каким я был. И не будь меня вообще, он все равно бы был часом Марадоны, ведь таких как я мальчиков на всем свете было наверное миллионы и каждый наверное думал, что его час был по эту сторону экрана, когда Марадоны по ту.

Помнится, когда счет стал 2:2, один из друзей отца, вошедших на очередные крики Маслаченко, чтоб посмотреть повтор, сказал другому: – Вот почему я за немцев! Вспомни полуфинал с Францией! – я долго ненавидел его за это. А что Марадона? Это же был его час! Он не забил в финале, но сделал все и даже больше. Его последний пас Буручаге и...

Тогда люди высыпали на стадион. Я помню запах чего то цветущего у нас во дворе. Тогда наш двор практически был опушкой леса. Тогда еще не понастроили уродливых, мерт-

ворожденных многоэтажек. Наверное это была акация. Со временем и этот запах исчез. Остался в детстве. Там ему было лучше.

Горела лампочка, одинокая, где то вдальеке, на горизонте, в маленьком доме, которого наверно тоже больше нет. Помню как теплом залило грудь и живот и как подумалось, как хорошо наверно, там, далеко?! С тех пор еще долго, все самое лучшее, несуществующее, неприменимое к этому миру я связывал с далью...

Тогда люди высыпали на поле. Тогда это еще было можно. Тогда мир был больше и свободнее. Меньше было диктатов и в том числе диктата безопасности. Марадона поднял золотой кубок над головой. Он был на вершине мира и так и остался там для меня. По эту же сторону телевизора стоял мой час, который так и остался им. 29 Июня 1986 года – как кадр навсегда, пока смерть не сотрет все кадры, все самое дорогое и самого тебя, вместе со всем, что ты когда либо знал, чувствовал, любил. Вместе со всеми кумирами и такими "важными" и не очень датами. Если мгновенье, как у Гете, должно остановиться, то оно для меня было таким, с ощущением счастья, полноты семьи, а то есть и мира (мой полугодовалый брат спал в соседней комнате, запеленанный как мумия и сам того не зная, рос болельщиком тех, кого Марадона побил в тот день), безопасности (Мама с Папой рядом), свободы (они хоть и рядом, но веселяться и пируют в соседней комнате, оставляя мне пространство и свобо-

ду действий) и радости (победы и зарождения больших надежд). Тогда я начинал жить...

Теперь мне тридцать пять. Ни одной бомбы не было сброшено. Ни одного волоса не упало с наших голов. Самолеты появились с нарастающим грохотом и скрылись с убывающим. Нас опять "не заметили". Вот так мне "везло" всю жизнь.

В детстве я знал одного мальчика, правда не могу припомнить его имени. Все вокруг знали его, однако с нелучшей стороны. Всеобщую известность он приобрел благодаря своей рассеянности. Он не был глупым, тем более отсталым, просто реагировал на некоторые вещи слишком поздно. Вернее реагировал, но реакция его была неверна, а осознание приходило поздно, что в подростковом возрасте смерти подобно.

В нашем дворе жил дедушка Гриша. Вернее кроме своей квартиры у него еще был маленький огороженный сад во дворе. О нем ходили разные слухи и дети боялись его. Говорили будто как то он поймал перелезшего через ограду мальчика, пытавшегося украсть его туту и гранат и зарезал своим огромным кинжалом. А кинжал у него действительно был роскошный, и кортики разные, ножи и несколько ружей. В основном он появлялся в своем саду в чистом, шелковом халате с длиннющей белой бородой, похожий на памятник Галактиона, но в редкие дни (дни, значения которых мы тогда не знали, а узнали только после реставрации независимости) Дедушка Гриша наряжался в свою чоху с серебрянным поя-

сом и патронниками на груди, надевал отпалированные до блеска "азиацки" и украшал пояс императорским наганом и маузером с деревянным прикладом. Кульминацией же было ритуальное открывание старого сундука и извлечение из него совсем незнакомого и непонятного стяга (я любил географию и знал флаги почти всех стран, но такого не встречал не в одной книге). Это был флаг демократической республики Грузия, просуществовавшей 3 года между империями, после Российской и до Советской. Дедушка Гриша с благоговением расстилал знамя на ковре и преклонял колени. Несколько раз поцеловав, он поднимал его над головой и совсем недолго размахивал кинжалом. Потом опять складывал его обратно и понемногу принимал свой обычный вид – полосатый халат и трубка. Весь этот ритуал он проделывал дома. Наряженный он даже в свой садик не выходил. Мы подглядывали через дырки в заборе. Люди поговаривали, что он бывший меньшевик, а то еще хуже – белый офицер. А о существовании грузинской армии и сопротивления нам детям не рассказывали совсем ничего. Кто знает, почему Дедушку Гришу не трогали коммунисты, но жил он практически затворником.

Так вот, не знаю почему, но в дядягришином саду (в часы, когда он спал, конечно) сопляки, сверстники мальчика, о котором я начал рассказывать, мерялись членами. Завязался спор. Ради точности они попросили его притащить из дому линейку и померить им, что придурок и сделал. Правда его

никто не высмеял. Их было всего трое, и тем двойм тоже не пришло в голову, что в мерянии их пиписок отцовской линейкой их товарища могло было бы быть что то предосудительное. Они от души поблагодарили его, как то решив свой спор, точно неизвестно в чью пользу. Однако об этом узнал отец мальчика. Осознав, что в руках держит линейку, которой совсем недавно измерялись члены соседских сорванцов, он в порыве чувств сломал ее о голову придурковатого сына и направился во двор, чтобы равные, почти идентичные половинки линейки засунуть им в задницы. Каждому по половинке, но был заблаговременно и благоразумно остановлен женой. Не смотря на то, что он был остановлен, вскоре всем стало известно, что произошло. Мальчик перестал выходить во двор, ему было стыдно, и вскоре вся семья переехала, приняв единственно верное решение. Дедушки Гриши уже давно нет на этом свете. Нет и его сада. Что стало с его вещами мы не знаем. Мальчик с линейкой пристрастился к книгам и учебе, чего он до этого не особо любил. В самые мрачные годы он уехал в Москву, а потом в Америку. Недавно он приезжал в город и заезжал и на нашу улицу, взглянуть на место где рос, пообщался немного с людьми. Вспомнили разное. Заезжал он на Роллс-Ройсе, привез подарки всем, кого знал. Видно резкий поворот в судьбе из за той истории с линейкой пошел ему на пользу. Заходил в квартиры, пил чай, вино, водку. Выросшие дети хлопали его по плечу, смеялись, вспоминали детские шалости. Ни слова про линейку. Поста-

ревшие матери слезились и смеялись сквозь слезы. Превратившийся в дедушек отцы наливали гостю и непереставая повторяли, как он вырос, мужчиной стал! Под вечер он встал и начал прощаться со всеми. Долгие объятия, поцелуи, – "Ухожу!" – "останься еще –" Провожали всем двором. Еще долго он садился в свой Роллс-Ройс, еще долго приглашал он их всех к себе в Америку, а они уговаривали вернуться на родину, пока наконец он не шепнул шоферу: – Заводи! – Машина умчалась. Люди согретые вином и сладкими воспоминаниями еще долго смотрели вслед, не спеша расходиться. – А помнишь линейку? – спросил вдруг кто то. – Еще бы, не помнить! Вот придурок! – Люди никогда не забывают и никогда не прощают таких "страшных" вещей...

Еву мы упоминали лишь раз. Было ли то до или после, И так ли уж важно это? Мы часто предугадываем события, имена, даты, но это не значит, что мы пророки. Что бы быть пророком, нужна системность. Нужно предсказывать систематически правильно. Без системности никак. Ну, так или иначе, теперь я уже или еще не женат на Еве. Лишено ли все на свете смысла? Все? От начала до конца? Или он просто не понятен или неприятен или неприемлем? Кто скажет, какой смысл в моем стоянии в грязи траншеи, с автоматом, с мыслями о вечном невротическом страхе смерти, чувством обделенности жизнью, ролью в ней стороннего наблюдателя. Невозможностью расстаться с ощущением того, что однажды все начнется снова. Вернется к точке, откуда и хоте-

лось бы начать все заново, теперь уже зная чего и как хочешь, контролируя ход действий и предвкушая плоды последствий теперь уже "правильно" сделанного выбора. Ни Марадоны, ни Кустурицы, ни кого то еще из них из меня не получилось и уже никогда не получится. Конечно тут в дело вмешивается феномен таланта, который либо есть, либо его нет. Но ни даже того, что могло бы быть вылеплено из моей личной данности мной вылеплено не было, чему кстати очень способствовало некое единение комплекса неполноценности и мании величия, замешанных на масле эгоцентричности, эргофобии и проскрастинации (однажды когда я слишком долго смотрел на груды посуды, которую нужно было помыть, на меня нашла такая волна паники, что я убежал и мне показалось, что в "Мойдодыре" был скрытый смысл и что теперь я осознаю весь ужас маленького мальчика, за которым гонится умывальник) ; если не использовать весь потенциал до конца, всегда можно будет сказать самому себе (и только себе, потому, что мысль о том, что это может интересовать кого то, кроме тебя одного, еще один миф, часть вымышленного, комфортного, созданного на замену окружающему, лишённого сентиментов миру, мыльного пузыря) что я просто не сделал всего, не использовал все ресурсы, а то ... Это подпитывает самолюбие! Так вот так я остался вечно-перспективным материалом, слишком трудно поддающимся обработке или затратным на добычу для собственной лени, но от этого ни мое существование вообще, ни тепереш-

нее нахождение тут, с ними, ни возможный, вполне реальный конец от пули, снаряда, бомбы или ракеты российского, турецкого или американского производства, а может китайской или румынской подделки, не становились менее абсурдны. Какая разница между смертью человека и божьей коровки? Неужели лишь только в сознании и потому осознании? В социальных узах? Человеческая смерть важнее лишь потому, что о ней кто то помнит? Кто то скорбит? Разве все дело в преемственности тех, кто сами умрут, и какое то время о них будут помнить и скорбеть? А может божьи коровки тоже помнят и скорбят? Разве мы чтонибудь знаем об этом? И если бы я даже не стоял тут здесь, а как всегда до этого отсуживался бы в тылу, что бы тогда изменилось? Стало бы от того менее абсурдно? Стал бы я от этого хуже, И стал ли я лучше, находясь здесь? Только начинаешь привыкать к жизни, начинаешь ее "понимать", освобождаться от подчиненного состояния молодости, становишься "ее хозяином" и тут поднимаются другие, которых будто вчера еще трепал по головке, посылал в магазин за сигаретами и пивом, и начинают толкать тебя. Куда? Подальше от того места в центре, которого ты так долго ждал и как будто бы прочно занял. Нет, не получится там постоять. Вытолкнут. Жизнь всего лишь туристическая очередь по старому, красивому, средневековому замку. Посмотрел? Иди! Дай и другим насладиться! Сзади напирают и выталкивают. Куда? Да, ясно куда...

... Все лучшее рождается в тумане. В тумане сознания и никогда на свежую голову и строго по плану. Состояние сознания на момент творения всегда извращено, как бы находиться в лихорадке. Потом невозможно вспомнить, как "это все рождалось", как будто кто то другой сделал все за тебя. Хорошие писатели никогда не творят ради сюжета. Сюжет второстепенен. А читателю может нравиться только то, что он хоть раз сам испытал. Если описуемое не было им испытано, оно не может нравиться, потому что оно чуждо, непонятно, а значит маловероятно и неправдаподобно. Речь, конечно, о чувствах и переживаниях, а не о сюжете или конкретике событий...

Я не сразу понял, что в меня попала пуля. Почувствовал что то вроде холодного ожога. Будто что то ужалило. Ужалило и прошло. Пули свистели везде. Моя реакция была запоздалой. Попробовал подняться. Не смог. Ноги отнялись. Я чувствовал себя ниже пояса, но пошевелиться не мог. Все вокруг происходило с калейдоскопической быстротой. Я не успевал за событиями. В грохоте и реве, в раскатах и в свисте, в огненном вихре вокруг, еле различались голоса. Человеческие голоса и свист пуль, если только они были совсем рядом. "Базэна" разорвало на части снарядом. У него больше не было тела. Не было головы или лица по отдельности. Кровавая клякса в грязи траншеи когда то была им. "Марадону" убила пуля, поэтому он больше походил на человека, пусть даже и пустого, из которого вынули жизнь. "Лоретти",

Кустурицу” и отца не было видно. Небо потемнело. Спереди надвигались танки. Грохот не смолкал. Я попробовал ползти, но не смог. Боль становилась нестерпимой, как только я начинал двигаться. Надо мной нависла угроза смерти, очень реальная, очень настоящая. Я чувствовал ее смрад, ее хватку. Столько раз я думал о смерти. Сколько раз рисовал ее себе, представлял по разному, так что фактически сросся с ней. Я так думал. А, нет! Оказалось, это всего лишь фамиллярность с моей стороны. Смерть никому не становится своей! Смерть никогда не является такой, какой ее представляют. Она всегда преподносит сюрприз, как будто всегда на шаг впереди тебя. – О, Боже! Страшно! Не могу представить, что меня больше не будет! Как это может быть возможно? Как мир сможет продолжать существование, если меня больше не будет? Где смысл? Неужели я ничего не значу? Неужели я не важен? Очень важен? А ведь для родителей я был важнее всего на свете! Где сейчас мой родители? Они со всем помогали мне в жизни, но тут... Отец! Где же отец! Что с ним! Надо его найти! – ...

– Мое молчание передаст больше моих слов, ибо те, последние, как плохой проводник, неспособны выдержать внутреннего напряжения, которое должны были бы передать и расплавились бы. В самые гнусные дни, когда не ждешь, но надеешься тем, чего уже не должен иметь по определению, получаешь подарок, который дороже многих лет, отложенных за пазуху души, и дней, которые, не знаю, родятся ли

вообще. Он проживет столько же, сколько и я. Моя любовь не должна обременять тебя, а подпитывать как вода корни, ласкать ветерком твои волосы, улыбку и ступни, заплетать пальцы и делать все бесхозные счастья твоими. Если нет, я распадусь. -

Это было написано у Робертино на ладони. Он еще дышал, когда я подполз к нему, двигаясь направляемый его слабыми стонами.

- Что это, Роберто? Кому это? - спросил я

- Знаешь, - тяжело, с одышками отвечал Робертино, и изо рта у него брызгала кровь и слюна - Знаешь, не хочется, чтоб кто то знал, что я влюблен, а тем более в кого. Это похоже на то, чтобы быть застигнутым врасплох. Голым, например. И если вам не хочется, чтобы другие люди видели ваше голое тело, то тем более не захочется, чтобы видели вашу оголенную душу. - Робертино был в том возрасте, когда еще не потерял свой ангельский голос...

В отключке я пробыл несколько минут. На меня надвигались тьма, вражеские солдаты и смерть. Именно в такие моменты мы достаем запрятанного в уголки Бога, сдуваем с него пыль, просим прощения, обещаем исправиться, хотя Он об этом не просит. Именно в моменты, когда мы умираем Он жив. И жив только Он . Вся вселенная уползает в ничто и только за него можно ухватиться. Он молчит, но не отвергает. Никогда...

Ко мне подошли солдаты. Я смутно различал их форму,

лица, не слышал речи. Они что то орали, махали руками. Я не слышал. В какой то момент когда страх достиг некой точки, попросту исчез. Мне было все равно и это не то "все равно", что в обычной жизни. Я смотрел на дуло автомата приставленное к моему лбу и не чувствовал ничего. Никаких "жизнь пронеслась перед глазами" и т.д. Солдат видимо подумал, что я потерял рассудок из за контузии или от страха и опустил автомат. Подошли другие. Они пристально смотрели в мои глаза, а я смотрел сквозь них. Немного посоветовавшись они решили плюнуть на меня, не добивать и отправиться дальше. Эти меня не добились, но могли добить другие, те , кто еще не дошел. Ведь те, кто приходит потом, всегда беспощаднее..

... Я бежал от своего счастья, боясь не потерять его. Так было всегда, пока не стало все равно.

– Что есть имя твое, брат? -

– Один грешный монах... -

В детстве я мечтал стать монахом. Восторгался жизнью первых христиан, читал Жития Святых и потел походить на них. Особенно завораживало толкование Апокалипсиса. Конечно, я тоже пытался истолковать некоторые места, хотб и знал что это и грешно и невозможно. Но что с меня было взять в одиннадцать лет? ... " И было их восемь, а стало семь, и потом снова восемь... – Я думал, это про большую восьмерку. Я много чего думал. Еще думал про 12000 целомудренных отроков из всех колен и полагал, что для того, чтобы

спасти, надо было оказаться в их числе, а т.е. для начала оставаться девственником. Правда как и в других подростках, во мне тоже "просыпалась весна", но онанизмом я не занимался. Я читал Библию и с радостью переносил боль, неизвестно почему загнойвшихся пальцев. Всех сразу, и на руках и на ногах. Я только и думал, что о Втором Пришествии, не мог заснуть без мысли об этом. Время тогда было несладкое, вот я и находил все больше параллелей. Теперь это звучит неправдоподобно, но тогда у меня была мечта, пострадать и умереть за Христа, как первые христиане. Конечно боялся я и тогда, но почему то сегодня мне кажется, что я тогда имел больше шансов. Потому, что был чище, лучше? А ведь аргумент этот слаб. Первыми спасались, как раз, те кто погрешнее вроде бы были...

Мне стало мертвецки холодно. Это был другой холод, тот который забирает жизнь. Абхазы, осетины, чеченцы, армяне (армяне сражались и на нашей стороне, как и чеченцы после) , русские, кабардинцы , казаки – все кто кто с нами воевал и с кем мы воевали. Все, кто попил нашу кровь, но и сам не ушел неукушенным, стояли тут, передо мной. Я чувствовал себя униженным. Униженным из за того, что не мог подняться. Я был беспомощен и лежал на спине, раненый, истекающий кровью, как моя родина. Все что у меня было – моя злость. Злость на всех. На собственное бессилие. На несправедливый мир, на исковерканную историю, попранное по праву сильного международное право. На вра-

гов явных и тайных, внутренних и внешних, предателей наживающихся на крови умирающего. На "друзей" возмущающихся действиями "врагов" и не делающих ничего, чтобы предотвратить наше истребление, изгнание, этническую чистку, зато совершающих то же самое с сербами и находя тому какие то оправдания. Между нашими с сербами ситуациями множество различий. Очень много. Но Косово с Абхазией и Самачабло очень похожи. Запад дал албанцам сожрать сербов, как Россия дала апсуа и осетинам сожрать картвелов. Положение среднего оказалось самым страшным. Маленьким помогли большие, и все за счет средних. Так мы с сербами вышли средними, по которым прошли катком. Странно, что русские говоря о Косово, всегда апеллируют к фактам уничтожения православия албанцами мусульманами, хотя сами они православные творили то же самое с нами православными. У нас знают о Сербии и любят сербов, хотя в войнах с хорватами и боснийцами у нас их не поддерживали. Наверно потому, что тогда сербы отождествлялись с "советскими", а Югославия с Союзом, хорваты и бошняки же с народами борющимися за независимость. С албанцами и Косово все наоборот. Даже во время футбольных матчей с Црвеной Звездой и другими сербскими командами наши фанаты вывешивали банеры с надписью " Косово – Сербия, Абхазия и Самачабло -Грузия ". В ответ получали пророссийские лозунги и российские флаги в Белграде. Видно "любовь оказалась безответной". Влюбленной в Россию Сербии было

мало дело до Грузии, мы же хулили албанцев, которые лично нам не сделали плохого, Россия же продолжала душиить и кромсать нас, натравляя все новых и новых врагов помельче. Не знаю, почему? А ведь обращайся они с нами просто с уважением, не более того, и по справедливости, не было бы им народа ближе...

Детали. Все дело в деталях. Они могут быть необычайно важны. Именно поэтому наверно в них и пытается скрыться дьявол. Была бы возможность, спросил бы у Иво Андрича, почему в "Травницких хрониках" у мамелюка грузинского происхождения Мехмеда Паши раскосые, азиатские глаза? Неужели такой человек, как Андрич не знал, или хуже того просто не удосужился справиться какой расы картвельские племена? И что у них по определению не может быть раскосых глаз, также, как и черной или бронзовой кожи? Раскосые глаза не суть. Суть в том, что никто не любит быть второстепенным, неактуальным, тем, к кому относятся невнимательно, с пренебрежением. Вот что задевает всех, кто обращает внимание на детали. Ну а с теми, кто видит картину в целом, пренебрегая деталями, а их очень мало ...с ними Бог. Ведь Бог воспринимает в целом, прощая детали...

Абхазы, осетины, чеченцы, армяне, русские, кабардинцы, казаки – все кто кто с нами воевал и с кем мы воевали, все мы, которые проиграли чужую войну, стояли склонившись надо мной заслоняя мне солнце. На Кавказе так, да и наверно во всем мире, особенно в отношениях между соседями. Все

как будто любят друг друга, уважают, но на самом деле все это до поры, до времени, политкорректность и не более. Как только времена меняются к худшему, (а они часто меняются) работает принцип "от любви к ненависти один шаг" и те, кто больше всех "любил" начинает больше всех ненавидеть. Чем ближе узлы, тем страшнее разрыв. Между нами нет разницы. И дело не в Исламе или Христианстве, не в прорусскости или в прозападности, автоктонности или в пришлости. Все мы дерьмо. Вот поэтому то и приходит дьявол. Потому, что его призвали. Когда мы не можем решить споры между собой, вмешивается кто то извне. Так уж мир устроен. Ну а когда на протяжении тысячелетий все народы спорят друг с другом, убивая, насилая, унижая и радуясь этому, на этом злом фоне приход абсолютного зла в мире остается незамеченным. Ведь мир под действием обезболевающего из собственной злости и антихрист входит в него во всеоружии.

На днях я видел котенка у мусорного бака, со слипшимися глазами, с облезлой кожей. Котенок умирал. И что же я почувствовал? Отвращение. Да, мне было жаль, до боли жаль маленькое существо, а ведь возможно я еще мог его спасти! И что я сделал? Ничего! Вот поэтому я смотрю сейчас снизу вверх на расплывчатые лица таких же как я, заслонающих мне последнее солнце и мне не жаль умирать. Больше нет...